

Устинович Полина Юрьевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
e-mail: p.ustinovich@psu.by

Трансформация образа жертвы в детективах Д.Л. Сэйерс

Аннотация. Уже в 20-х годах XX века для классического английского детектива были установлены правила написания и обязательное наличие таких персонажей как сыщик, помощник сыщика, преступник, жертва, инспектор Скотланд-Ярда. Интересно, что своеобразие художественной манеры писателя прослеживается при создании образа жертвы, а не на фоне ярких образов главных героев.

Ключевые слова: классический детектив, образ жертвы, Д.Л. Сэйерс.

Abstract. As early as 1920s certain rules for writing a detective story were established. In a detective story, there must be such characters as a detective, an assistant detective, the criminal, the victim, the inspector of Scotland Yard. It is interesting to identify the artistic originality of the writer created with the help of the image of the victim, rather than with the images of the main characters.

Keywords: classic detective, image of the victim, Dorothy L. Sayers.

Одним из самых популярных литературных жанров современности является детектив. Наличие споров о его месте в литературе, причинах востребованности только подтверждает этот факт. Возникновение любого течения в литературе, оформление нового жанра всегда было обусловлено исторически сложившимися условиями и, как следствие, потребностями читателя. Возникнув в XIX веке, детективный жанр стал бурно развиваться на почве научно-технического прогресса во всех практических сферах жизни. Изобретения и открытия были так стремительны и многочисленны, что требовали осмысления. От технических и интеллектуальных новшеств веяло тайной, сенсацией и опасностью. Детектив безошибочно использовал эти притягательные качества [1, с. 8]. Сочетание интеллектуальной игры и преодоления страхов, логического мышления и романтических чувств, психологизма и простоты эмоций, желание читателя проверить свое мышление позволило жанру быть таким востребованным [2, с. 179].

Первоначально развитие жанра осуществлялось в рамках определенного четкого канона. Это была эпоха классического детектива – время эксцентричных сыщиков и невероятных тайн, изоощренных преступников, время, когда подчеркивался игровой элемент, бросался вызов читателю, а правила запрещали дешевые трюки.

Одной из представительниц классического английского детектива является Дороти Ли Сэйерс (*Dorothy Leigh Sayers*, 1893–1957). Несмотря на то, что она принимала активное участие в организации знаменитого детективного клуба, а с 1949 года стала его председателем, ее творчество практически не знакомо отечественному читателю [3, с. 17–19].

Среди действующих лиц классического детектива центральное место занимает образ сыщика, поэтому каждый автор стремился создать главного героя, не похожего на других, который опирается на только ему присущий уникальный метод. Отец Браун, Шерлок Холмс, Мисс Марпл, Эркюль Пуаро – яркая плеяда характеров, которая известна практически каждому любителю детективов.

Тем более интересным представляется изучение своеобразия творческой манеры писателя, опираясь на относительно скудные характеристики жертв преступлений. В соответствии с каноном, с одной стороны, жертвой должен быть плохой человек, чтобы его смерть не вызывала жалости у читателя. С другой стороны, убийство внешне положительного или хотя бы нейтрального персонажа возбуждает читательское любопытство, заставляя подозревать за видимостью добропорядочности греховную сущность [4, с. 77]. Довольно часто людей, ставших объектом преступления, авторы детективов убивают, реже они подвергаются шантажу или другим формам преследования. И, как правило, не бывает больше одного трупа в одном месте [5, с. 15].

В романах Д.Л. Сэйерс «Сильный яд» (*Strong Poison*, 1930) и «Где будет труп» (*Have His Carcase*, 1932) преступление уже сразу совершено, и читателю не представляется возможность проявить сочувствие к жертвам. Отсутствуют описания характеров, диалоги, ситуации, из которых можно было бы составить хотя бы предварительное мнение. Эффект безразличного восприятия усиливается благодаря использованию юмора: «Гарриет повезло. Это был труп. Причем такой, что не возникало ни малейших сомнений» [6, с. 23]. Тем не менее, автор приводит Гарриет Вэйн, нашедшую труп, в действие, поскольку времени собрать улики очень мало из-за стремительно приближающегося прилива. Молодая писательница вынуждена действовать решительно и не поддаваться эмоциям, хотя вид мертвого незнакомого человека с перерезанным горлом, залитой кровью одеждой вызывает у нее отвращение и дурноту⁴⁷.

В детективе «Сильный яд» жертва – писатель Филипп Бойз. Об этом мы узнаем из речи обвинителя в суде над Гарриет Вэйн. Он беспристрастным голосом излагает факты, обращает внимание присяжных на детали, но вся ситуация и реакция Питера Уимзи формируют ощущение, что обвиняемая невиновна, а с Бойзом что-то не так.

⁴⁷ «Гортань и все крупные сосуды были перерезаны, шея рассечена до самой кости. Кошмарный поток, ярко-красный и блестящий, струился по поверхности камня и стекал в ложбинку вниз. Гарриет выпустила голову из рук, ей внезапно стало дурно. Она часто описывала такие трупы в книгах, но видеть воочию – это совсем другое. Откуда ей было знать, что перерезанные артерии выглядят так неопрятно и что кровь издает такой отвратительный смрад, а палящее солнце его усиливает» [6, с. 23–24].

Образы жертв раскрываются по мере расследования. В первом случае это был Поль Алексис Гольдшмидт. Танцор, развлекающий дам в отеле, обучающий их танцевальным движениям. Молодой человек тщательно следил за своей внешностью⁴⁸, но не отличался большим достатком, вкусом и образованием⁴⁹. Отношение к нему складывается на основе мнения его приятелей⁵⁰, квартирной хозяйки⁵¹ и миссис Уэлдон⁵², довольно богатой возрастной дамы, которая решила, что Поль в нее влюблен. Собрав все характеристики вместе, мы видим робкого привлекательного юношу, держащего себя отстраненно от всех. Это хрупкий, немного болезненный человек, который стремился казаться элегантным и считал себя ни много ни мало потомком русского царя.

Филипп Бойз – личность более интересная, но вряд ли более глубокая, чтобы вызывать теплые чувства. «Ему было тридцать шесть лет, он опубликовал пять романов, а также множество статей и эссе. В своих литературных трудах он выражал, как иногда говорят, “передовые” взгляды <...> а именно атеизм, анархизм и так называемую “свободную любовь”» [3, с. 24]. Бойз был довольно известен, поэтому информация о нем стекалась от разных людей. Практически каждый из них знал Бойза лично, что объясняет эмоциональный характер оценок. Например, его отец, священник, говорил: «Хотя он и не был дурным, развращенным человеком, <...> но я никак не мог одобрить идей, которые настолько расходятся с религией и моралью» [3, с. 51], «у моего мальчика был такой блестящий ум» [3, с. 52]. Его издатель высказал мнение, что подобная смерть – это лучшее, что Филипп мог сделать для продажи собственных книг⁵³. Подруги Гарриет дали ему весьма нелестную оценку: «Он без конца говорил и говорил, – ответила Сильвия. – И столько о себе воображал. Вряд ли Бойз добровольно лишил бы этот мир удовольствия читать его новые книги» [3, с. 67]; «Бойз, эта самовлюбленная скотина, сначала использовал ее, потом целый год донимал, а под конец еще и оскорбил <...> но он все равно страшно злился. Она ведь должна была только прислуживать ему, творцу, а не зарабатывать на жизнь им обоим собственным литературным вздором» [3, с. 68].

⁴⁸ «Это был молодой человек, одетый в хороший костюм темно-синей саржи и изящные, даже чересчур, узкие коричневые туфли. Носки лиловые, и галстук тоже был лиловым <...> замшевые перчатки хорошего качества, специально подобранные к костюму» [6, с. 26].

⁴⁹ «<...> отличался строгим вкусом в беллетристике. Ему нравились истории о стройных, неотразимо прекрасных юношах, которые ухитрялись вырасти безукоризненными джентльменами, несмотря на самое неподходящее окружение, затем вдруг оказывались наследниками трона» [6, с. 170]. «Шляпа прошлогодняя, подновлена, и ленту меняли. Форма немного вычурнее, чем следует. <...> Носовой платок. Шелковый, но не из Берлингтонского пассажа. Расцветка – зверская» [6, с. 47].

⁵⁰ «Можно было подумать, что он делает одолжение даже полу, на котором танцует. А потом – раз! – прекрасный принц опускается до женитьбы на старухе ради денег», «Да он боялся мизинец уколоть. И не надо на меня так смотреть, дорогая, Алексис был настоящим нюней» [6, с. 64].

⁵¹ «– Такой внимательный мальчик, – продолжала миссис Лефранк, – а манеры просто княжеские»; «Я голову сломала, пытаюсь понять, почему он это сделал. Уж точно не из-за старухи, с которой был помолвлен. Скажу вам по секрету, милочка, он никогда не думал, что дойдет до свадьбы. Конечно, молодому человеку в его положении приходится улаживать своих дам, но ее семья никогда бы с этим не смирилась» [6, с. 122–123].

⁵² «Он так красиво говорил, но это была чистая правда. С ним я чувствовала себя на семнадцать.

– Поль был так красив, так изящен, если б вы только его видели! И очень скромный, и ни капельки не испорчен, хотя за ним бегали все женщины» [6, с. 54].

⁵³ «Все его книги были распроданы спустя неделю после того, как стали известны результаты эксгумации» [3, с. 54].

Но у Филиппа Бойза были и поклонники, считавшие его непонятым⁵⁴. На приеме у брата Питера, герцога Денверского, миссис Пудграм сказала: «Но как писатель он был очень одарен. В его книгах есть истинно галльская дерзость и вместе с тем выразительная лаконичность. Дерзость встречается часто, но такой афористичный стиль – это дар...» [3, с. 85]. Однако автор сразу обесценивает это мнение через описание дамы: «Лет тридцати с небольшим, чья безжалостно перетянутая фигура наводила на мысли об отчаянном стремлении приспособить свой вес ко второму слогу своей фамилии, никак не к первому» [3, с. 85].

Более объективной и непредвзятой оказалась мисс Вэйн: «Ему вечно казалось, что все вокруг против него <...> он многим был неприятен. Филипп вел себя так, будто все ему чем-то обязаны, а это, конечно, очень раздражает. <...> всегда считал, что заботиться о нем – святой долг мистера Эркarta. <...> что обычные люди должны обеспечивать великим художникам пищу и кров. <...> Филипп был не из тех мужчин, что могут дружить с женщинами. Ему нужна была преданность» [3, с. 42]. Сам Питер охарактеризовал Бойза после разговора с Гарриет так: «Судя по рассказам, Бойз был надутый болван, если не сказать мерзавец» [3, с. 42]. В этих словах чувствуется глубокая неприязнь, ведь Гарриет находилась на грани смерти из-за никчемного человека.

Таким образом, ни Поль Алексис, ни Филипп Бойз ничем не трогают читателя, поскольку не обладают положительными качествами, за которые принято ценить, уважать и даже любить. Оба эгоистичны в своих стремлениях и не способны на глубокие чувства.

Совсем иначе обстоит дело в романе «Возвращение в Оксфорд» (*Gaudy Night*, 1935). Ненависть, исходящая от злоумышленницы, была направлена на всех прогрессивных женщин, стремящихся к знаниям, не идущих на компромисс чувств и истины. В первую очередь, агрессия в виде угроз коснулась исследователя-стипендиата мисс Хелен де Вайн⁵⁵. Сразу стоит отметить, что между донами и стипендиатами были разные отношения. Женщины не особенно скрывали свое мнение друг о друге в плане взаимоотношений со студентками, черт характера, но никогда не подвергали сомнению компетентность коллег, отдавая должное заслугам каждой, какой бы областью наук она ни занимались. Именно в этом было их единство и сила в противостоянии угрозам. «Были записки, в самых неблагоприятных выражениях извещавшие разных членов колледжа, что их грехи падут на их же голову, что в приличном обществе им не место и что если они не оставят в покое мужчин, пусть не ждут ничего хорошего» [7, с. 87]. По колледжу разбрасывались рисунки

⁵⁴ «Они пили из него кровь, а негодяи издатели загребали себе все, на что могли наложить лапы» [3, с. 63].

⁵⁵ «На самом деле ей следовало бы занять профессорский пост, но не думаю, что она вынесет преподавательскую нагрузку. Чем меньше мисс де Вайн будет отвлекаться, тем лучше, ведь она действительно настоящий ученый» [7, с. 42]. «Эта яркая личность и привлекала, и озадачивала Гарриет. У нее складывалось впечатление, что преданность мисс де Вайн интеллектуальной жизни не столько результат спокойного следования естественной или благоприобретенной склонности (как у других донов), сколько мощное духовное призвание, побеждающее все прочие стремления» [7, с. 113].

с изображением обнаженной женщины, понукающей мужчину в мантии и академической шапочке [7, с. 87]. Подметные письма приходили Гарриет Вэйн⁵⁶, другим преподавателям женского колледжа Шрусбери и некоторым студенткам. Причины, вызвавшие нападки на студенток, были разными. Мисс Флакман обвинили в том, что она отбила жениха, а мисс Ньюланд – в чрезмерном рвении к учебе (последняя оказалась настолько впечатлительной, что чуть не покончила с собой).

Тем не менее в основном жертвами становились женщины-доны. Так гранки рукописи «Просодии английского стиха» мисс Лидгейт, тьютора по английской словесности, подготовленные к печати, были «сплошь измалеваны типографскими чернилами. Все исправления на полях были начерно закрашены, то тут, то там уродливыми буквами были накарябаны ругательства. Рукописное предисловие сожгли, о чем победно сообщала надпись из больших букв, вырезанных откуда-то и наклеенных на первой странице прямо поверх текста» [7, с. 88]. Экземпляр брошюры мисс Бартон, специалиста по общественным наукам, «“Положение женщин в современном государстве” обнаружили весело потрескивающим в камине» [7, с. 88].

Но бесчинства происходили не только в письменной форме. В библиотеке перед приездом почетного гостя «все книги были раскиданы по полу: кто-то решительно опустошил стеллажи. Гравюры со стен сорвали. Стена над стеллажами была разрисована коричневой краской и исписана пакостными надписями, буквами в фут высотой» [7, с. 104]. «Полтергейст пронесся по колледжу, опрокидывая чернильницы, бросая в огонь бумаги, разбивая лампы и чашки и выкидывая книги в окно. В трапезной, откуда предохранитель тоже исчез, кто-то сгреб кубки с Высокого стола и швырял ими в портреты, разбивая стекло. Гипсовый бюст викторианского благотворителя сбросили с каменных ступеней, раскидав повсюду осколки бакенбардов, носа и ушей» [7, с. 154]. Были сожжены магистерские мантии, в часовне подвешено чучело в мантии с воткнутым в живот ножом, безжалостно растоптаны шахматные фигурки XVI века, подаренные Гарриет Питером Уимзи.

Как видно, не только женщины, но и связанные с ними вещи, научные труды, аудитории, в которых они занимались, комнаты, в которых жили, – на все распространялась злость и ярость преступницы. По мере того, как обстановка все более накалялась расследованием Гарриет Вэйн, а затем и появлением Питера Уимзи, Энни Уилсон все быстрее приближалась к безумству, грозящему выплеснуться в убийство. И если бы не предусмотрительность лорда Питера, вне всяких сомнений произошло бы несчастье.

Роман «Возвращение в Оксфорд» – один из последних детективов, написанных Д.Л. Сэйерс. В нем сосредоточены многие социальные проблемы того времени. Сама писательница изменилась с момента своих первых изданий. Поэтому

⁵⁶ «На нем были наклеены буквы, явно вырезанные из заголовков газет: Мерзкая убийца. Как ты смеешь сюда являться?» [7, с. 71]. Намек на ее обвинение в убийстве, внебрачные отношения с Бойзом – «А твой титулованный ухажер любит суп с мышьяком? За какие услуги он тебя отмазал?» [7, с. 71].

в некоторой степени роман выходит за рамки классического детектива. В отличие от предыдущих романов в «Возвращении в Оксфорд» не могло произойти убийство. Невозможно было причинить такой вред этим прекрасным женщинам-ученым, не вызвав острое сожаление о потере. «Невероятная сплоченность и взаимная солидарность», беспристрастность суждений, «глубочайшая преданность всей профессорской интересам колледжа, равно как и уважение студенток к донам» позволили избежать трагедии [7, с. 297].

В детективе описаны вымышленные события в вымышленном колледже, но события отражают актуальные вопросы времени, одним из которых является положение женщин, их право на образование, саморазвитие и достойное место в мире мужчин. В выборе образованных женщин в качестве жертв проявилось противоречие канону и вызов общественному мнению: интеллект и самодостаточность не могут быть безликими и не вызывать эмоциональное отношение.

Д.Л. Сэйерс сохраняет в своих произведениях форму, структуру и образы классического английского детектива, однако выходит за канонические рамки и органично вплетает в повествование личное восприятие современных тенденций развития общества и социальных проблем, оставляя за читателем право на самостоятельные оценки и выводы.

Литература

1. Борисенко, А. Викторианский детектив / А. Борисенко [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/la_belle_epoque/post196812701/. – Дата доступа: 11.10.2020.
2. Георгинова, Н.Ю. Детективный жанр: причины популярности / Н.Ю. Георгинова // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 173–186.
3. Сэйерс, Д.Л. Сильный яд / Д.Л. Сэйерс. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 152 с.
4. Марусенко, Н.М. Типичное и нетипичное в структуре детектива / Н.М. Марусенко, Т.Г. Скребцова // Мир русского слова. – 2013. – № 4. – С. 74–79.
5. Кириленко, Н.Н. Классический детектив и полицейский роман: к проблеме разграничения жанров / Н.Н. Кириленко, О.В. Федунина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskiy-detektiv-i-politseyskiy-roman-k-probleme-razgranicheniya-zhanrov/viewer>. – Дата доступа: 07.11.2023.
6. Сэйерс, Д.Л. Где будет труп / Д.Л. Сэйерс. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 255 с.
7. Сэйерс, Д.Л. Возвращение в Оксфорд / Д.Л. Сэйерс. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 354 с.